

серия научите меня жить

ЛАРИСА ТЕПЛЯКОВА

не

СТАНДАРТНОЕ

ЛИЦО

роман

Лариса Теплякова
Нестандартное лицо

«Написано пером»

2016

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Теплякова Л. Ю.

Нестандартное лицо / Л. Ю. Теплякова — «Написано пером», 2016

ISBN 978-5-00071-594-9

Вчерашняя рязанская школьница Инга отваживается принять участие в конкурсе красоты и внезапно для себя оказывается среди финалисток. С этого момента её жизнь ускоряется, и вихрь невероятных событий захватывает девушку. Конкурс красоты, блистательное замужество, путешествия, познание других культур, участие в телепроектах... Читая эту авантурную мелодраму, следя за судьбой героини, вы будете оказываться в Испании, в Непале, в Италии, в Панаме и, конечно же, – в России. Ведь душой Инга русская, из Рязани.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00071-594-9

© Теплякова Л. Ю., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лариса Теплякова

Нестандартное лицо

*Не объяснить загадку бытия,
но опыт мой – с завидным перехлёстом —
лишь подтверждает, что совсем не просто
сложить осколки собственного «Я».*
(*Ася Сапир*)

<http://www.liteo.ru/>

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Л. Ю. Теплякова, 2016

© Издательство «Литео», 2016

Часть 1

Глава 1

Сиеста накануне фиесты

Прогулка у испанцев называется *paseo*, и это целый ритуал. Себя показать и на других посмотреть выходят ближе к вечеру, на излёте дня, после традиционной сиесты. Инга часто поступала наоборот – гуляла во время сиесты. Ведь она же не испанка, а русская. Россияне от солнца не прячутся. Они ездят за ним по всему миру и радуются каждому погожему дню.

Инга именовала сиесту – «мёртвое время». Длилась «мертвечина» примерно с двух до пяти часов пополудни, и привыкнуть к ней оказалось труднее, чем представлялось вначале. Ежедневно, как по команде, закрывались банки, офисы, рынки, магазины, и на телефонные звонки отзывались разве что бездушные автоответчики. Жизнь замедляла свой ход, а Инга часто ощущала себя каким-то инородным телом в этом безмятежном раю. Испанцы берегли свои организмы, предаваясь сладостному безделью. Никто не собирался изменять своим национальным традициям ради молодой русской дамы. Никого не интересовало, что ей срочно требовалось купить помаду, таблетки, колготки или получить на почте долгожданную бандероль...

Инга ждала посылочку из России, сгорая от нетерпения. Получив извещение, она поспешила на почту, забыв обо всём. Инга уже не доверяла нерадивым курьерам, которые запросто путали адреса и вообще не поторапливались с доставкой. Сами испанцы нередко шутили: не отправляй по почте то, что тебе жаль потерять! Инге же было не до глупых шуток – она не могла больше ждать.

Однако почтовый офис закрылся прямо у неё перед носом. В Таррагоне наступила сиеста! «Ы-ы-ы!», – тихонько простионала Инга. Она чуть не взвыла от отчаяния во весь голос, но жаловаться было некому. Разве что небу. Или морю.

Решение созрело мгновенно: «К морю, к морю, к морю!» Обозлённая Инга остановила первый показавшийся таксомотор и попросила доставить её на небольшой отдалённый пляж.

Все улицы города неизменно вели к набережным, но Инга так и не привыкла относиться к морю обыденно, хотя прожила в Таррагоне уже несколько лет. Это чудо природы дышало и колыхалось, как огромный живой организм, изумляя всем своим видом. Изумрудно-лазоревые волны размеренно накатывались на берег, старательно вылизывали его, потом медленно отливали и оттягивали досадное беспокойство. Влажный песок искрился, словно золотая пыль. Лучи солнца дробились и рассыпались по водной поверхности бесчисленными бриллиантовыми блёстками. Мир казался бескрайним, блистательным, сияющим, гармоничным, а все проблемы мельчали и теряли значимость.

Море завораживало, утешало и манило. Хотелось скорее раздеться, ощутить босыми ногами бархатистую мягкость песка и омыться горьковато-солёной водой... Нет купальника? Ну, и что! Просто нужно быстрее снять платье и войти в воду. В море стыдливость исчезает, все условности остаются на суше.

Желание было слишком сильным. Инга уже скинула босоножки, как вдруг чей-то голос за спиной остановил её.

– **Hola!** – произнёс незнакомец.

Даже по этому короткому приветствию, похожему на имитацию звона маленького колокольчика, Инга быстро догадалась, что рядом не испанец.

– **Hola!** – в тон ему откликнулась Инга и обернулась.

Ей улыбался симпатичный молодой мужчина славянской наружности.

– Я вам не помешаю? – старательно выговаривая испанские слова, спросил он.

«Турист из России!» – подумала Инга. Внутри плеснулась нечаянная радость. Инга могла поболтать с ним о чём угодно, о любых житейских пустяках, лишь бы он отвечал ей по-русски! Непринуждённое общение всегда врачует душу, а на родном языке тем более. Она приветливо улыбнулась и весело ответила на русском:

– По-испански правильное говорить «тебе»!

– Никак не привыкну, что все здесь запросто тычут даже незнакомым людям, – сознался собеседник, с заметным облегчением переходя на родной язык.

– Так принято, таковы нравы! Приехал отдохнуть? – уточнила Инга.

– Не совсем. Скорее, поработать. Подучить язык, попрактиковаться, расширить кругозор.

– И давно у нас в Каталонии?

– Чуть больше месяца. Мне здесь очень понравилось. Красиво, и климат замечательный.

– Коста Даурада – прелестное местечко! Позолоченный берег! А ты полиглот или вечный студент? – пошутила Инга.

– Я **free lance**, свободный журналист, – охотно пояснил парень. – Пишу очерки для глянца, для Интернет-изданий. Временно работаю в баре – тут, неподалёку. Устроился на курортный сезон помогать барменам. Такой типичный местный небольшой **el bar**, где вечно надрывно грохочет телевизор...

– И все стараются его перекричать, но звук, тем не менее, не убавляют! – усмехнувшись, задорно вставила Инга.

– Да, вот именно! По вечерам вваливаются развесёлые компании, теснятся, толкаются, но как-то размещаются, поедают **tapas, migas, paella**, запивают вином, курят и галдят до полуночи.

– И мусорят прямо на пол! – дополнила Инга.

– Да, и всё прямо под ноги бросают! – подтвердил собеседник. – Зубочистки, салфетки, окурки, очистки. Чудно! Кстати, меня Владимир зовут. А тебя? Извиняюсь за фамильярность, но ты сама позволила мне тыкать.

– Нормально, Владимир, не извиняйся! Я Инга, – представилась она. – Будем знакомы. Кстати, в Испании не очень-то принято извиняться. Что сделано – то сделано! Испанцы не любят сожалеть и раскаиваться. А зачем ты в баре работаешь? А как же музеи, библиотеки, экскурсии?

– Внедряюсь в среду, изучаю испанскую бытовую культуру. У меня идея теплится – написать занимательную книжонку о праздниках народов мира. Понемногу собираю материал. Испания славится фиестами, и мне нужен живой опыт, – молодой журналист с удовольствием делился творческими планами. Видимо, тоже уже соскучился без привычного русскоязычного общения.

– А что, людей в России так волнуют чужие праздники? – удивилась Инга.

– В России сейчас сплошная неразбериха во всём – даже в праздниках. Привычные отменили, забытые возродили, и этим сбили с толку весь народ. Всё смешалось! Все ищут новый смысл, национальную идею, основу для единства нации. А я считаю, что без настоящих народных празднеств нет и истинной всеобщей радости. Неулыбчивый, мрачный у нас народец. Разве не так? – Владимир жаждал одобрения своих выкладок.

– Любопытно излагаешь! Заметна хватка журналиста, – польстила Инга.

– Хочу поведать россиянам, как веселятся народы мира! – с самоиронией сказал Владимир.

– А сам ты, пожалуй, из Москвы?

– Да, я из столицы. А ты тоже?

– Я в Москве давненько не была! – уклончиво ответила Инга. – Лет пять примерно.

– Так я не помешал тебе, Инга? – опять вежливо поинтересовался Владимир.

– Не особенно. А что?

– Я слышал, что на этом пляже частенько nudists тусуются... Может, ты одна из этих... адептов полной наготы... Стоишь босая...

Инга рассмеялась.

– А ты что, ищешь местных любителей загорать нагишом? Хочешь обрести новый опыт живого общения с неформалами? Так это, может, я тебе мешаю?

– Нет-нет! Я просто вышел проветриться, подышать морским воздухом.

– Дыши глубже, не волнуйся! Обнажаться и шокировать тебя я не стану, – насмешливо заверила Инга. – А испанские nudists, видимо, тоже чтят сиесту. Я здесь уже не первый раз, мне это местечко нравится. Nudists не дураки, выбрали себе укромный райский уголок. Но именно в это время их здесь редко встретишь. Да и большой праздник завтра в городе – все готовятся. И nudists тоже. Фиеста для испанцев – великое событие. А тем более – завтра день святой Теклы! Это же покровительница Таррагоны!

– Правда, что будут гулять десять дней?

– Не сомневайся. Будут. Ещё как. Дня три будут веселиться взахлёб, потом немного поработают по неполному графику и опять примутся прославлять свой город и добрую святую Теклу.

– Интересно, чёрт возьми!

– Ты столько увидишь за эти дни! – пообещала Инга. – Будут шествия, танцы, маскарады и кастельс – человеческие башни.

– Вот-вот, именно эти башни я и хотел посмотреть больше всего!

– Увидишь! Помнишь телерекламу моего средства – жители Вилларибо и Виллабаджо соревнуются, кто быстрее отмоет огромные жирные сковородки?

– Конечно, помню! По всем каналам крутили.

– Так вот, это гнусная ложь! Жители испанских, а особенно каталонских поселений соревнуются не в мытье посуды, а в строительстве живых человеческих пирамид, – заговорила Инга. Ей понравилось интриговать Владимира. Приятно иногда выглядеть этаким всезнайкой! – Они с детства занимаются этой акробатикой в специальных клубах. Самая высокая пирамида – вот их заветная каталонская мечта, повод для особой гордости на целый год! Гордятся все – от мала до велика!

– Понятно... Здорово! Я уже сам себе завидую, предвкушаю новые эмоции. Слушай, я ведь вначале подумал, что ты испанка, – признался Владимир. – Похожа! Параллельно возникло странное ощущение – где-то я тебя уже видел...

Он помолчал немного и воскликнул:

– По телевизору! Точно, по ящику! Признавайся, могло такое быть? Ты сама напомнила про телерекламу, и я прозрел, но не до конца.

– Мне не раз уже говорили, что я отдаленно похожа на одну испанскую актрису, восходящую звезду, – чуть помедлив, ответила Инга. – Мне очень жаль, но я не Пенелопа Крус. И в твоём баре я тоже не бывала. Ты ошибся.

– Нет, испанская красотка Пе тут не при чём! Нет, ты не испанка. Наша. Глаза большие, славянские, речь чистая. Но лицо у тебя нестандартное. Я как будто тебя в России видел! – заявил Владимир. – Лицо запомнилось, а что за передача была – забыл! Может, сама подкажешь, а то у меня что-то засклерозило головушку. Ну, помогай!

Инга в ответ неопределенно пожала плечами и промолчала. Она чертила босыми пальцами по мокрому песку дуговые линии и разглядывала свои абстрактные рисунки.

– Неужели я так жестоко ошибаюсь? – напирал собеседник.

– Все иногда ошибаются, – сказала Инга и взглянула на него исподлобья.

В глазах Владимира блеснул охотничий азарт. Он пытался подтвердить свою догадку и непременно докопаться до истины. Симпатичное лицо москвича зазывно сияло, он пытался разговорить Ингу, но она уже насторожилась и замкнулась. Ей не хотелось подкидывать ему занятную историйку для модного «глянца». Ответ она утвердительно и искренне, он бы уцепился и вытянул у неё пикантные подробности. Ведь ситуация – лучше не придумаешь! Скучающая соотечественница откровенничает на морском берегу! Он ей вопросыки – бла-бла-бла, она ему ответики – ля-ля-ля. Бла-бла, ля-ля – вот и слепился бы славный сюжетец для убойного очерка на парочку журнальных страниц. Да, она могла бы поведать читателям про извороты и извивы судьбы, про удачу и успех, про двусмысленность последних пяти лет своей жизни, про ощущение неопределённости будущего...

Нет, ей не хотелось подбрасывать ему пищу для публичных светских сплетен. С журналистами всегда надо быть начеку – на всякий случай.

Владимир нетерпеливо ждал ответа, Инга медлила. Оба ощущали возникшее напряжение.

– У тебя с памятью проблемы, Вова. Такие видения называются «дежа вю». Я уже давно в Испании живу, – коротко и сухо возразила Инга.

– С детства?! – разочарованно съязвил Владимир.

– Практически, – спокойно ответила Инга. – Моя фамилия Торрес. Инга Торрес.

– Сеньора Торрес?

– Вот именно.

– Надо же! Круто! Тоже интересный поворот! – Владимир вновь оживился и запальчиво хлопнул себя ладонью по бедру. – «Вина Торрес» – известная торговая марка! Солидно звучит! Ты принадлежишь к этой знатной семье? Ты, русская?

– В Испании Торресов, как в России Ивановых, Петровых, Сидоровых, – опять осадила его Инга. – Но, правда, виноделы Торресы – дальние родственники моего мужа.

– Надо же! Работая в баре, я стал в испанских винах разбираться. У этих Торресов отменная продукция, но стоит дороговато.

– Всё имеет свою цену. Заговорила я с тобой, Вова, – отрезала Инга и поспешно надела босоножки. – Я уже тороплюсь. Пока! Творческих тебе успехов!

– Да подожди ты, только разговорились! – Владимир заметно огорчился. – Ну, возьми, что ли, визитку моего бара! Может, позвонишь, ещё как-нибудь поболтаем. С тобой безумно интересно!

Инга молча спрятала картонную карточку в сумочку и решительно направилась к остановке транспорта.

– Приятно было познакомиться, прелестная и таинственная синьора Торрес! – услышала она вслед.

Память у Владимира была в полном порядке: он действительно мог видеть Ингу по телевизору. Подкинь она ему полунамёк, беглую подсказку, и дотошный журналист сам вспомнил бы, что о ней когда-то писали и говорили в российских средствах массовой информации. Оказавшись в эпицентре придирчивого внимания, Инга досыта начиталась о себе всякого вздора. С тех пор и уяснила, что откровенничать с вьедливыми журналистами опасно.

Правда, тогда она носила простую русскую фамилию – Буркина. Инга Буркина.

Глава 2

Замужество, как способ познания мира

С ранних лет Инга Буркина мечтала о путешествиях в другие страны. В школе, где она училась, действовал туристический клуб, которым руководил учитель географии – молодой и азартный человек. Он увлекал ребят талантливыми рассказами, заманчиво живописуя мир огромным, цветным и прекрасным. Юные туристы внимали педагогу и сообща вдохновенно грезили. Предвкушая дальние странствования, они совершали походы по родному краю и вместо дебрей Амазонки пока исследовали берега Оки. Немало истоптали троп, перепели песен у костра и съели тушёнки с кашей. Простое, доброе и весёлое было время! Свободно мечталось, легко дружилось и счастливо жилось.

С дальними странствиями как-то не получалось. Съездили однажды на выходные во Владимир, в Суздаль, и как-то на каникулах провели семь дней в Москве. Подробное знакомство со столицей вызвало сильное удивление. Вроде бы и недалеко от родной Рязани, а всё совсем иное – будто Москва на другой планете. Размах, имперское величие, непривычный ритм. Особый воздух, высокое небо. В небольших городках все обязательно мечтают о чем-то значительном, но встреча с неизведанным зачастую обескураживает. Громада мегаполиса кого-то влечёт, а кого-то навсегда отвращает.

Планировали такую же поездку в Питер, но не случилось. Однако интереса к путешествиям не утратили, продолжали заочное знакомство с миром по книгам, путеводителям и картам.

Инга активно занималась в турклубе и вгрызалась в сложности английского языка. Всех удивляли её сплошные пятёрки по английскому – по другим предметам она перебивалась с четвёркой на тройки и обратно. Ингу не цепляли шуточки и подколки. Она зубрила временные формы глаголов, типовые обороты речи, идиомы и фразеологизмы, раскладывала их в «файлах» девичьей памяти, тщательно осмысляя, что и в какой ситуации употребляется. Инга наивно верила, что однажды ей пригодится знание чужого языка.

Окончив школу, девушка попыталась поступить на геологический факультет пединститута, но провалилась на экзамене по математике. Интегралы с дифференциалами её не слушались, и студенткой Инга не стала. Пришлось почти год довольствоваться работой секретаря-машинистки в одной унылой городской конторе, печатая скучные официальные бумаги. Дни тянулись похожие один на другой. Лишь редкие вылазки на природу вносили какое-то разнообразие в её молодую жизнь.

Как только девушке минуло 18 лет, жизнь понеслась вперёд с непривычным ускорением. Видно, какой-то ангел-хранитель наверху востепенулся, внял, принял к исполнению её расплывчатые детские мечты. События замельтешили, как картинки в калейдоскопе, поражая причудливостью – яркие, фантастические, головокружительные.

Всё началось с газетного сообщения об отборе претенденток на конкурс «Московская красавица». Вычитала его заботливая старшая сестра и сама повезла недоумевающую Ингу на кастинг.

В дороге старшая сестра убеждала младшую, что всё вполне достижимо. Главное – верить в себя. Слова звучали красиво, умно, вдохновенно, но как-то уж очень нереально. Для Инги эта поездка в Москву была лишь возможностью вынырнуть на короткое время из монотонности бытия в родной Рязани – и не более того.

Мероприятие происходило в Парке Культуры имени писателя Максима Горького. Длиннющая очередь самонадеянных девчонок тянулась к величественным лепным воротам от Крымского моста и далее извивалась по аллеям парка. Зрелище наводило тоску и вызывало сомнения в успехе. Инга заколебалась. Сестра опять принялась горячо убеждать и умолять, и Инга сдалась, согласилась перетерпеть все тяготы отборочного тура.

Девичья очередь бурлила и жила беспокойной жизнью. Неизвестность и неудобства вызывали нервозность. Многочасовое простаивание на виду у гуляющей публики портило всем настроение. Девушки томились, ссорились, мирились и знакомились. Со злыми шутками, прибаутками, раздражением и пересудами двигались к заветной цели. Инга выдержала изнурительное томление, показала членам отборочной комиссии и вернулась в родную Рязань.

Было лето, погода стояла хорошая, и она отправилась в недельный турпоход по Подмоскovie с однокашниками. Дальше Инга планировала вторично штурмовать пединститут. Это казалось ей более реальным и необходимым делом, чем сомнительное участие в конкурсе.

Инга старалась не вспоминать унижительное мучение в Парке Культуры и никому об этом не рассказывала. Однако, вернувшись через неделю из похода, она с удивлением узнала, что ей выслали приглашение на второй тур конкурса.

Прочитав сообщение, девушка придирчиво посмотрела на своё отражение в зеркале. Там и сям проступали неприглядные отметины. Она растерянно оглядывала собственные конечности, покусанные комарами, украшенные мелкими царапинами. Выставлять напоказ такое неухоженное тело не хотелось. Инга, было, уже собралась отринуть эту авантюрную затею, но опять вмешалась сестра. Она проявила удивительную твердость и сноровку, помогла Инге облагородить внешность, с помощью подруг собрала необходимые для выступлений наряды и опять буквально за руку привела свою младшенькую в спорткомплекс Лужники, где проводилось очередное испытание отобранных участниц.

Второй тур прошёл спокойнее, отсев осуществлялся довольно быстро. Инга оказалась среди финалисток, и это придало ей уверенности. От предстоящих публичных выступлений она ожидала если не победы, то чего-то интересного, особенного, о чём впоследствии будет весело вспоминать и рассказывать друзьям. Настроение сделалось праздничным.

Инга совсем не огорчилась и не лила слёз, когда корона королевы досталась другой девушке. Ведь её выступления тоже имели успех. Буркина очаровала зрителей и получила свой заслуженный приз. Её персону вызвала интерес: московские модельные агентства приглашали под своё крыло, журналы заманивали на фотосессии. Однако самым внезапным и ошеломляющим сюрпризом оказалась горячая симпатия испанского бизнесмена Мигеля Торреса. Все девушки были дивно хороши, но он, словно легендарный сын троянского царя Парис, выбрал из множества красавиц свою богиню любви. Мигель приложил все усилия, чтобы познакомиться с Ингой ближе.

Ей было чуть больше восемнадцати, ему едва исполнилось тридцать лет. Он был испанец из Каталонии, она русская девочка из Рязани. Они оба сносно владели английским языком, и это помогло им в общении. Мигель и Инга быстро сблизились.

Блистательная пара привлекла удвоенное внимание. Засуетились журналисты. Личная жизнь выпускницы обычной рязанской школы вдруг стала интересовать многих. Покопаться в пикантных частностях считали своим долгом не только «жёлтые» газетёнки, но и вполне уважаемые издания. В прессе беззастенчиво обсуждали, как красавица из Рязани заполучила всё и сразу, о чём безуспешно мечтают миллионы прелестных барышень. Мигелю приписывали

вали несметные богатства, её называли искусной соблазнительницей простодушных зарубежных миллионеров.

На самом деле Инга была юна и вовсе неопытна в любовных делах. Просто интересный человек, непохожий ни на кого из её прежних знакомых, вызвал эффект сильного эмоционального потрясения. Мигель Торрес очаровал её. Она влюбилась. Влюбиться в симпатичного испанца было так легко и естественно! Вот и всё.

Во избежание кривотолков Мигель поспешил обозначить серьёзность своих намерений и сделал Инге официальное предложение руки и сердца. Мигель был словно сказочный принц, а она Золушка на великолепном блистательном балу. Сказка ожила и превзошла все самые смелые девичьи мечты. Инга согласилась, не раздумывая. Она смутно представляла их общее с Мигелем будущее. Инга просто доверилась Мигелю Торресу.

Считалось, что Инге крупно повезло: конкурс красоты изменил её судьбу и открыл широкие возможности. Однако первыми усомнились в этом родители и сестра. Самые близкие люди осторожничали и приводили ей всевозможные доводы против брака с Мигелем. Они уверяли, что переселение, переезд в незнакомую страну, расставание – всегда почва из-под ног. Однако всё было тщетно. Оглушённая стремительным успехом, Инга преобразилась. Она азартно спорила с семьёй и весело объясняла им что-то в духе «нам не страшен серый волк».

– Девочка начиталась любовных романов, – сетовала мать.

– Насмотрелась американских мелодрам и бразильских сериалов! – мрачно поправлял отец.

Аргументы родных звучали слабее комплиментов Мигеля. Все предостережения казались словесной шелухой. Инга была юна, влюблена и готова к любой аванюре вместе с Мигелем.

Судьба протягивала ей нарядную коробку с загадочным содержимым под названием Испания и ослепительным бриллиантом в виде красавца-мужа. Инга смело приняла этот дар. В восемнадцать лет только любовь становится главной движущей силой, основным мотивом и смыслом всех поступков.

Всякая сенсация рождается, ярко существует и быстро умирает без подпитки фактами. Шумиха в прессе вокруг их имён тоже прекратилась, как только Инга окончательно отбыла на родину мужа, покончив со всеми полагающимися формальностями.

Прошло полтора года со дня её совершеннолетия, а она оказалась далеко от Рязани, да и от Москвы тоже. Инга очутилась в солнечной Испании. Жизнь в этой стране обернулась бесконечным путешествием и даже культурным шоком...

Процесс «испанизации» Инги проистекал нелегко. С Мигелем ей жилось интересно, но сложно. Она постепенно начала понимать, что между людьми существуют не только государственные границы, но и рубежи ментальности, уровней благополучия, вкусов и многого другого, что составляет личный круг жизни каждого. Осмысление остужало разум и укрепляло характер. Инга многому училась на ходу, и быстро выросла. Выросла, начала прозревать. Прозревая, озадачиваться.

Мигель был не так богат, как представляли в России. Он не был процветающим дельцом, беззаботно стригущим дивиденды. Каждое его начинание искрилось и лучилось азартом, но не всякий проект становился прибыльным. Однако Мигель упорно созидал, вкладывал немало средств, брал кредиты, выстраивал свой бизнес и отдавался делу всецело. У него имелись свои мечты, свои планы, намеченные ещё до знакомства с Ингой. Инге приходилось много ездить вместе с мужем и вообще жить так, как считал Мигель.

Иногда разногласия накапливались, собирались в критическую массу, и супруги ссорились. Бурные пререкания с Мигелем на смеси языков всегда оказывались бестолковыми и досадными. Её импульсивный, азартный, часто неосторожный, рискованный испанский мужчина был чертовски упрям. Однажды в порыве отчаяния она позвонила в Рязань и пожаловалась матери на сложности семейной жизни с Мигелем. Мать внимательно выслушала и сказала:

– Помнишь, ты когда-то хотела иметь скоростной велосипед?

– Хм... Ну, и что? – недоумённо спросила Инга.

– Теперь представь, что у тебя появился этот самый велосипед, и даже ещё более продвинутая модель. Ты его хотела? Вот и получила. Теперь учишься пользоваться, управлять им. Так что тебе ничего не остаётся, как только крутить педали. Вот и крути, – мягко напутствовала мама. – Не позволяй себе метаться, суетиться, раздражаться. Это бесполезно, поверь.

Выслушав мать, Инга разревелась. Плача в одиночестве, Инга вспомнила свой триумф, своё весёлое и счастливое упрямство, свою влюбленность и самоуверенность. Однако терзать душу воспоминаниями и мучительно разгадывать загадки будущего она не стала. Надо жить настоящим – здесь и сейчас. Понемногу она успокоилась. Женские слёзы – что жемчуг. Каждая капля бесценна, потому что прибавляет мудрости. Инга взяла себя в руки. Она спрятала свои жемчужины.

Мама дала ей простой и толковый совет. Синьора Торрес постепенно осознала, что в прямом споре ей никогда не переубедить Мигеля. Приходилось приноравливаться к его испанско-каталонскому характеру, огибать острые углы, выстраивая самобытный семейный миропорядок. Ведь у Инги не было никого ближе Мигеля в этой солнечной стране. Мигель Торрес взял её почти девочкой, и с ним она превратилась в молодую женщину, которую муж оберегал и холил, как умел. Муж великодушно и радостно впустил её в свой мир, и молодой русской жене следовало в нём обжиться, а не ломать устои.

Так Испания учила русскую красавицу терпению и гибкости.

Глава 3

Испанские будни сеньоры Торрес

– Где ты была? – недовольно спросил Мигель.

Муж выглядел элегантно и деловито. Он стоял перед Ингой в лёгком, светлом летнем костюме отличного кроя, который замечательно сидел на крепкой, ладной фигуре Мигеля и контрастировал с цветом глаз и волос. Его тёмные испанские глаза-маслины возбуждённо сверкали. Мигель был очень хорош в ту минуту, несмотря на некоторое недовольство. «Зевс-громовержец!» – иронично подумала Инга. Она прекрасно знала, что Мигель вспылчив, но отходчив. Сохранить погоду в доме ей удавалось, не реагируя на его молнии. Тогда гроза проходила стороной, и комфортная жизнь супругов Торрес продолжалась дальше.

– Ходила на почту за бандеролью из России, – ответила Инга и мягко улыбнулась мужу.

На такого мачо, как Мигель, можно было воздействовать только ласковыми кошачьими повадками. Инга пробежалась чуткими пальцами по торсу Мигеля – будто бы поправила воротничок рубашки, разгладила пиджак на плечах и груди.

– Ты могла бы позвонить туда, и твою посылку доставили бы на дом, – с нажимом сказал он.

– Спасибо за совет, дорогой! – поблагодарила она и чмокнула его в щёку. – У меня после таких обращений парочка посылок уже затерялась. Испанская почта любит устраивать головоломки.

– А, наша почта! Тебе не нравится испанская почта! Вот и не ходи туда! Что тебе вообще нравится в Испании?! – раздражённо воскликнул Мигель, сопровождая свою речь выразительными жестами.

– Ты нравишься, – мягко и невозмутимо ответила Инга. – Я здесь живу ради тебя. Ты мой муж.

– Ты могла попросить Роситу забрать твою русскую посылку! – подсказал Мигель.

– Я хотела сделать это сама, и только сама, – нараспев произнесла Инга. – У Роситы и так много работы по дому. Мне не трудно прогуляться до почты. А что, что тебя так возмущает?

– Ты забыла, что я приглашал художника писать твой портрет! – досадливо воскликнул Мигель. – Я назначил ему время! И где твоя посылка, если ты за ней ходила? Покажи мне, что тебе прислали из России!

– Посылку я не успела получить. Началась сиеста. А про художника я и, правда, забыла! Прости меня, милый мой! – невозмутимым голосом проворковала Инга и ласково обвила руками шею мужа.

– А, ладно! Он ушёл, но вернётся через два часа. Не исчезай никуда, – сказал Мигель. – А почему, почему твои ноги в песке?! Посмотри!

– Я и не заметила. Знаешь, есть такая русская поговорка – песок уже сыплется. Старею, значит, – пошутила Инга, оглядывая себя.

– Как ты можешь стареть? Я не понимаю этих ваших русских поговорок!

– Хорошо, хорошо, я вымою ноги, и буду безропотно позировать любому живописцу, который явится в наш дом в ближайшее время, если ты этого хочешь, – пообещала Инга.

Ещё одна улыбка, ещё один поцелуй, и напряжённость заметно ослабла.

– Да, я хочу иметь твой портрет, настоящий портрет, написанный красками на холсте, а не обычную фотографию в рамке! Я ухожу, мне надо быть в мэрии. Обсуждается вопрос по исторической недвижимости! Буду к ужину. А ты что будешь делать без меня? – поинтересовался Мигель. Он всегда хотел знать чуть ли не по минутам, чем заполняет Инга своё время, проводимое в его отсутствие.

– Ко мне сейчас явится инструктор по аэробике. А потом твой художник. А потом вернёшься ты, и мы вместе будем ужинать. Вот и весь мой план до конца дня.

– Хорошо! – одобрил Мигель.

– Удачи тебе! – пожелала Инга. – Пусть отцы города не поскупятся и поддержат все твои предложения.

Мигель кивнул и сделал широкий шаг вперёд. Вдруг он остановился и обернулся.

– Инга! – громко позвал он жену.

– Что? Ещё что-то вспомнил?

– И всё же ты слишком долго отсутствовала! – констатировал Мигель и удалился.

Почти каждую вторую девушку в Каталонии называют при рождении Монтсеррат. Персональный инструктор Инги по аэробике не была исключением – она тоже носила это славное имя. Про себя Инга именвала её короче – Маней. Эта испанская Маня ничего не подозревала о своём русском прозвище, но и Ингу никак не называла. Просто сеньора – и всё. Видно, ей было затруднительно произнести непривычное имя своей клиентки. А, может, и не хотелось: Монтсеррат была несколько ленива.

Инга повторяла все движения, которые демонстрировала Маня, но никак не могла попасть с ней в ритм. Маня то и дело отвлекалась, сбивалась со счёта, впадала в задумчивость. Подняв руку или ногу, она могла замереть и долго рассматривать свою задранный конечность, сдирая чешуйки обгоревшей на солнце кожицы. Инга тоже приостанавливалась и пережидала, изучая Маню. Невысокая, крепкая, кряжистая, смуглая, темноглазая, с отсутствующим, незаинтересованным взглядом. У неё что-то не ладилось в личной жизни, и это что-то мешало ей двигаться в ритм с музыкой.

До Мани с Ингой занимался другой физкультурник – энергичный улыбчивый паренёк. С этим инструктором они просто зажигали! Каждый мускул его тела играл, глаза сияли, и время летело незаметно. Уроки аэробики проходили весело, жизнерадостно. Тренер нравился Инге, но всем своим видом раздражал Мигеля, и с пареньком пришлось расстаться. Уже второй месяц Инга терпеливо упражнялась с Маней и иронично подумывала, не поменяться ли с ней ролями? Инге не хватало драйва, азарта, но она терпела скучающую Монтсеррат, не желая ссориться с мужем.

Позировать художнику ей тоже не хотелось. Инге представлялось, что портрет получится вычурным, напыщенным, никчемным, и это её не вдохновляло. Она с тоской думала, что часы, проведённые в компании рисовальщика, ей придётся вычеркнуть из своего свободного времени в угоду Мигелю. «Мне не подвластно моё время, которое я проживаю! – мысленно сокрушалась Инга. – О, нет, об этом лучше не думать! Если не призадумываться, то этого как будто и нет».

Однако именно художник отвлек её от печальных мыслей. Во время работы он что-то напевал себе под нос, семенил вокруг Инги, взглядывался в её лицо с разных сторон и расстояний и этим очень забавлял саму модель. Он понравился ей своей живостью и ненавязчивым дружелюбием. Инге тоже захотелось рассмотреть его получше – этим она и развлекалась, пока он работал.

Живописца звали Луис. Невысокий полноватый человек лет сорока, с выразительным, немного наивным лицом и забавными, короткими ручками. Он приближался к Инге и удалялся, прищёлкивал пальцами, ритмично цокал языком и излучал согревающую доброжелательность. Действие напоминало спектакль, потеху, но никак не скучный сеанс рисования. Художник создавал благоприятную атмосферу, помогая своей модели расслабиться.

Наконец, выбрав удачный ракурс, Луис сосредоточился и довольно быстро сделал карандашный набросок.

– В вас есть что-то восточное, необычное! – сказал он, разглядывая свой рисунок и первые мазки. – Ах, какое хорошее лицо! Оно само так и просится на холст! Портрет получится замечательный!

Немного подумав, он опять приступил к работе. Оба – мастер и модель – внимательно наблюдали друг за другом. Инге было интересно смотреть на Луиса, а Луису – на Ингу.

В обстановке взаимной симпатии пролетело часа два или чуть больше. Объявив, что первый творческий сеанс удачно завершён, Луис резво подскочил к своей модели и смачно чмокнул её в щёку. Этому не стоило удивляться. Инга уже знала, что испанцы обожают целоваться при встречах и расставаниях со всеми людьми, которые им приятны. Это лишь знак обычной человеческой благосклонности.

Луис назначил срок новой встречи и пообещал закончить работу как можно быстрее. Расстались почти друзьями.

Вечером наброски Луиса внимательно изучал Мигель. Ему понравилось изображение жены, и он принялся рассуждать, где и как надо повесить картину. Мигель вернулся в отличном настроении, был ласков, внимателен, даже нежен. В такие минуты он старался сделать Инге что-то особенно приятное – к примеру, выразить свои чувства на русском языке.

Русский язык не давался Мигелю. Он учил его бессистемно, от случая к случаю, проявляя нетерпение, совершенно не ощущая нюансов. Он уморительно путал слова, но при этом произносил их с особенным пафосом, как заклинание или сакральную фразу. В тот вечер, накануне дня святой Теклы, случился очередной лингвистический курьёз.

– Ты моя *любая!* Я твой *любитель!* – высказался Мигель Торрес.

Инга не удержалась от смеха, но поправлять мужа не стала. Ведь Мигель мог вмиг расстроиться и насупиться. Мужчины терпеть не могут нелепых ситуаций, даже если сами их создают. Да и что такое слова? Это просто звуки, символы чувств, мыслей, эмоций. Мигель передал их, как сумел, а её дело расшифровать этот его эмоциональный посыл.

– О, Мигель! – воскликнула она и хлопнула в ладоши.

Инга прекрасно поняла, что он хотел сказать – *любимая, я люблю тебя*. Но суффиксы и окончания в очередной раз сыграли с Мигелем шутку. Однако стоило ли огорчать его поучениями? Муж расценил возглас жены, как восторженное одобрение, и просто засиял от гордости. В таком замечательном настроении вместе направились в столовую.

Ужин получился поздним – на испанский манер. Верная Росита хлопотала у стола и поглядывала на обожаемого хозяина. Мигель подал ей знак, и она оставила супругов вдвоём. Им нечасто удавалось провести спокойный вечер тет-а-тет. Вокруг Мигеля всегда клубились какие-то люди – родня, друзья и деловые партнеры. Заботливая Росита понимала, что такие вечера необходимы для хорошей супружеской жизни. Она умела прислуживать почти незаметно.

Инга сразу ощутила умопомрачительный запах уваренной с мёдом айвы. Наступил самый сезон для этого странного, твёрдого, терпкого фрукта, и Росита потрудилась на славу. На столе возлежала курица, тушенная с айвой, посыпанная кунжутом, украшенная зеленью. На отдельном блюде Росита подала ломтики острого сыра с кубиками домашнего мармелада из айвы. В средиземноморской кухне этот фрукт давно занимал особое место. Искусные повара готовили айву с разными добавками, достигая при варке янтарно-желтого цвета, или розового, или даже рубиново-красного. Инга уже знала, что в Испании существовало древнее поверье, будто употребление айвы способствует зачатию красивых детей. Испанцы всегда истово верили в то, что им самим нравилось, что сулило счастье. Росита хотела помочь

молодой хозяйке на свой лад. Инга не противилась и с удовольствием ела то, что приготовила на ужин добрая немногословная испанка.

Стол, как остров. Меню, как поэма. Вино, как музыка. Крахмальная скатерть, трепетное пламя свечей, блеск начищенных приборов. Сеньор и сеньора Торрес за ужином. Зыбкая атмосфера супружеской гармонии. Минуты равновесия и счастливой сопричастности.

Оба неторопливо ужинали, много говорили. Точнее, Мигель говорил, а Инга слушала и отвечала. Он увлечённо рассказывал ей о своих задумках по развитию бизнеса. Мигель обладал богатым воображением, и просто не мог удержаться от эффектных преувеличений. Он то и дело забегал вперёд, приукрашивал уже свершившиеся и будущие события. В его изложении реальные дела и планы причудливо переплетались с самыми смелыми фантазиями и мечтами. В этом виделось какое-то дерзкое мальчишество, но – как знать! Может, так и рождаются самые удачные бизнес-проекты. Инга не считала себя знатоком по этой части. Тут она полностью полагалась на Мигеля.

Что-то в его планах её смущало, удивляло, но слушать мужа было интересно. С Мигелем вообще никогда не приходилось скучать. Инга любила такие сентиментальные вечера. Рядом с ней был её испанский мужчина, её муж, её Мигель, и, судя по его откровениям, впереди их ожидала насыщенная жизнь.

Глава 4

Мужчина испанский обыкновенный

Когда Мигель Торрес увлекался, он начинал говорить очень громко и даже запальчиво. В первые месяцы замужества Инга немного пугалась этого, терялась, смущалась, но постепенно привыкла к странноватым манерам мужа. Удивление сменилось пониманием. У испанцев принято такое пылкое общение. Мигель, как обыкновенный испанский мужчина, вкладывал в беседу весь свой темперамент.

Испанцы вообще всё делают страстно: они и посуду моют с темпераментом, а ещё азартнее бьют её. Если есть серьёзный повод, конечно.

Привычка мужа оповещать о своих намерениях жену, друзей и даже прислугу происходила из распространённой испанской народной приметы: это у них к обязательной, неминуемой удаче. Поделится планами – отступить некуда. Только вперед! К успеху своих оглашённых начинаний.

Испанские приметы и поговорки удивительно напоминали Инге родные перлы русской словесности, но вот их значение испанцы толковали с точностью наоборот! Свистеть в доме – у хозяина хорошее настроение. Птица залетела в комнату – к удаче. Откровенничать с окружающими – тоже к удаче. Совать нос в чужие дела, обсуждать сексуальность соседа, поведение соседских детей – проявление внимания и заботы о ближнем. Все вокруг откровенничали и сплетничали направо и налево – с булочником, с аптекарем, с барменом, с врачом, с водителем такси. Всеобщая беззастенчивость царила всюду!

Эти милые житейские пустяки не раз ставили Ингу в тупик – ведь от неё тоже ждали ответного прямотушия, а она была не готова к такой свободе мысли и слова, к такой открытости своей личной жизни. Оказалось, что ломать бытовые стереотипы не так-то и легко, даже в молодости.

Лишь со временем она научилась радоваться, когда Мигель оживлен, громогласен, да ещё и насвистывает. Ведь он мужчина испанский, обыкновенный. Сокращенно – МИО. Так она называла мужа в шутку, про себя. И даже весело напевала вполголоса на мотив популярной песенки: «Мио, мой мио!»

С Мигелем Инга окунулась в чужестранную культуру, словно в бурное море страстей. Без хорошего знания языка поначалу было очень сложно, и она рьяно взялась за самообразование. Благо, носитель языка находился с ней рядом день и ночь – практикуйся, сколько угодно. Ведь Мигель был весьма разговорчив даже в постели. О, он даже изумительно владел искусством нежного постельного воркования!

Мигель тоже просил научить его основам русского языка, но он, увы, не был так прилежен и чуток, как его молодая жена. Ведь язык надо впустить в своё подсознание, ощутить его всеми фибрами души, и даже кожей. Однако Инга старалась помочь ему. Она применяла метод вопросов и ответов.

– Я жена, ты муж, – говорила она, старательно произнося слова. – Ну, кто ты мне?

– **Я тебя муж**, – неуверенно отвечал Мигель.

– А ещё – ты бизнесмен, – добавляла Инга.

– Это английское слово! – возразил Мигель. – Скажи по-русски!

– Хорошо, – согласилась Инга. – Ты – предприниматель. От русского слова «предпринимать».

Вот с этого словца и начались все домашние курьёзы! Мигель уразумел, что от любого русского глагола можно запросто образовать существительное. Просто и удобно. **Читать** –

читатель. Писать – писатель. Жить – житель. Носить – носитель. Любить – любитель.

И пошло-поехало! **Знать – знатель. Понимать – пониматель.** Мигель гордился тем, что освоил, и переубедить его было невозможно. Он всегда видел то, что хотел, и делал то, что ему по душе. Вот и получалось «*я твой любитель*» — вместо фразы «*я люблю*», и «*я пониматель*» — вместо слов «*я понимаю*». Мигель не желал разбираться в спряжении русских глаголов. Он просто переделывал их в существительные. Так ему казалось логичнее и удобнее. Ведь Инга его понимала!

Зато Инга значительно продвинулась в изучении испанского языка. Ей очень хотелось выжить в этой стране! Она училась говорить и общаться, читать и писать, даже думать по-испански. Так надобность в расширении знаний Мигеля отпала сама собой. Они всё больше говорили на испанском, лишь иногда прибегая к английскому.

Возможность говорить почти свободно придала Инге спасительную уверенность. Однажды, ощутив, что испанская речь для неё уже не просто набор чужеродных неясных звуков, Инга вздохнула с облегчением. Она ликовала. Ведь она понимала не только Мигеля, но и посторонних людей. А они понимали её! Инга научилась плавать в этом бурном житейском море своим стилем.

Мигель гордился своей женой. Он баловал её, как мог. Ведь он был довольно обеспеченный человек. Мигель считал Ингу умницей, страстно хотел от неё детей, и Инге это льстило. Она делала всё, чтобы понять мир Мигеля, а он старался, чтобы она ни в чем не нуждалась. Что еще нужно для семейного счастья? Будто бы это и есть самое важное в супружеской жизни...

Однако жизнь нелогична, а судьба лукава. Если красивой девушке достается состоятельный муж, то к нему обязательно будет какой-то малоприятный довесок. У всякой любви есть оборотная, непарадная сторона. Жизнь Инги Торрес осложняли гинекологические проблемы и слишком заботливая родня мужа.

Мигель очень хотел детей, и с нетерпением ждал беременности Инги. Об этом неустанно и бесцеремонно судачила вся его родня: открыто, беспардонно, абсолютно в испанских традициях...

Но беременность не случалась. Врачи утверждали, что Инга здорова, и совсем скоро порадует своего мужа. Однако время шло, а у супругов ничего не выходило... Инга чувствовала себя человеком, который обманывает ожидания не только Мигеля, но и всего клана его любопытных родственников. Эта проблема оказалась сложнее, чем изучение испанского языка.

Прошли годы, и она могла уверенно сказать: да, её родители были правы. Переезд в иную страну – это почва из-под ног. Это даже перелёт на другую планету. Но Инга справилась, сумела создать свой уютный уклад жизни, научалась ценить малое. Она довольствовалась приятными маршрутами для прогулок, морскими купаниями, походами по музеям, занятиями аэробикой...

Большим счастьем сделались обычные некогда покупки: журналы на русском языке, банка сгущенки или шпрот, приобретённые по случаю в Барселоне, в супермаркете русских продуктов. Стоило купить пачку московского печенья, и прошлое словно вдруг обдавало тёплым ласковым ветерком... Даже томик Чехова на испанском языке, найденный как-то случайно на полках книжного магазина, порадовал, напомнил о школьных годах. Однако самые острые эмоции вызывала пачка настоящего крупнолистового чая...

Как-то, просматривая журнал «Космополитен», Инга обнаружила пикантную, легкомысленную статью об особенностях мужчин из разных стран – французы, итальянцы, испанцы. Читательницы хотели расширить свой кругозор и желали знать, каковы они, эти иностранные мужья. «Уж замуж невтерпёж, но хочется экзотики!» – усмехнулась тогда Инга и подумала, что о своем МИО, мужчине испанском обыкновенном, она уже могла бы написать не просто заметку, а серьезную исследовательскую работу. Живой опыт в таком деле бесценен.

Позже, прогуливаясь по городу, Инга иногда сочиняла эту воображаемую статью. Для затравки она бы эффектно поведала любопытствующим девам, что брак с мужчиной-иностранцем поначалу напоминает ослепительный всполох счастья, но вскоре превращается в игру в прятки в тёмной комнате. Можно блуждать и больно ударяться. И лишь со временем в комнате появляется свет... Удивление сменяется пониманием. Остаётся только свыкнуться с тем, что твой муж всегда будет дорожить тем, что для тебя вовсе чуждо. Он будет посещать корриду, а ты не переносишь эту кровавую бойню. Ты будешь мечтать о квашеной капусте, а он не терпит её острого кислого запаха. Эти противоречия будут вечными спутниками семейной жизни, и если научиться их обходить, то будет вам счастье, дорогие читательницы, – непростое, зато необыкновенное!

Инга жила с одним из самых лучших испанских мужчин. Он был её *«любитель»*, *«предприниматель»*, *«мечтатель»* и *«пониматель»*. Муж много делал для неё. Он расширил её представления о мире, показал немало интересного. Настало время и ей самой решить дилемму – жить дальше так, как хочет муж, или искать новый смысл своего существования. Инга мучительно раздумывала, оставаться ли ей до конца дней красивой благополучной домохозяйкой или пробовать себя в какой-то профессии. Инга хотела получить образование и определить своё призвание, но вот как пояснить это Мигелю, она пока не знала. Ведь испанские мужчины очень традиционны в семейных вопросах. Несмотря на прогресс, старые фамильные традиции незыблемы почти повсеместно. Глава семьи – мужчина, а жена при муже. Мигель Торрес был очень строг в этом вопросе. Он не видел веских причин менять свои взгляды.

Глава 5

Фиеста в Таррагоне

Просто День города – звучит скупо, скучновато, и как-то не по-испански. В Барселоне такое мероприятие роскошно называется День роз, в Валенсии – праздник огня, а в Таррагоне – День святой Теклы. Всякий горожанин благодарит небесную заступницу за добрые дела, обращает к ней молитвы, но его священные религиозные чувства прекрасно сочетаются с полной свободой действий, музыкой, танцами, чрезмерным употреблением вина и традиционных закусок. В Каталонии веселятся легко, простодушно, непосредственно, трогательно. У испанских праздников свои законы, и вся жизнь испанца качается, как лодка в море, между сиейстой и фиестой, когда он не занят работой.

Ранним утром было немного облачно, и даже моросил мелкий дождь, но это никого не могло смутить: праздник устраивали всегда, при любой погоде. Горожане вывесили испанские, каталонские и таррагонские флаги. Они слегка колыхались при дуновении ветерка, и казалось, что ослепительный красно-жёлтый поток перетекает с балкона на балкон. Город сказочно преобразился.

Ровно в полдень мэр возвестил о начале праздника. Взметнулся первый фейерверк, зазвучала музыка, и по главной улице двинулся парад. Туристы из многих стран наблюдали, как каталонцы веселятся, а нарядные горожане приветствовали их возгласами. Само солнце не выдержало затворничества и взойшло высоко над городом. Феерическая фиеста набирала темп, она уже завихрилась и понеслась по улицам Таррагоны. Безудержное веселье, милый безумный хаос, жажда удовольствий быстро овладевали всеми.

Инга находилась в самом центре событий вместе с Мигелем. Её мужа в числе других уважаемых людей пригласил сам мэр – сопровождать его во время торжеств. Инга впервые стояла на одном из балконов мэрии. Она с интересом разглядывала потешных карнавальных кукол с гигантскими головами, которых несли разряженные каталонцы, прелестные цветочные композиции и огненные факелы, словно возникнувшие из древности. Необычайное буйство красок и людской фантазии пытались запечатлеть как туристы, так и журналисты. Среди них Инга неожиданно разглядела своего нового знакомого – Владимира. Он энергично работал, делая снимки, и несколько раз устремлял объектив камеры прямо туда, где находилась Инга. Вскоре он возбужденно махнул ей рукой, но Инга ответила лишь едва заметным кивком. Владимир поднял руку выше и помахал ещё. Инга занервничала, глянула на Мигеля. К счастью, муж увлечённо общался с чиновником городской администрации. Она не могла допустить, чтобы Мигель заметил фамильярные приветствия Владимира.

Инга лихорадочно соображала, как ей поступить. Наконец, она решилась и шепнула мужу:

– Мигель, я спущусь на улицу, хорошо? Я увидела наших соседей, надо к ним подойти, поздороваться, поговорить немного. Нехорошо смотреть на добрых знакомых сверху вниз.

Мигель удивленно вскинул брови, но всё же одобрил душевный порыв жены:

– Конечно, иди! Только не задерживайся. Скоро начнется торжественная месса, мы должны там присутствовать, а потом состоится обед в мэрии. Нам нельзя опаздывать, мы ничего не должны пропустить! А сейчас мне тоже нужно поговорить.

– Не волнуйся, я быстро, – пообещала Инга мужу.

– О, сеньора Инга Торрес собственной персоной! – шутливо приветствовал её Владимир. – Привет! Рад видеть! А ты крута, крута! На балконе мэрии, в окружении важных персон! Горжусь знакомством с тобой!

– Здравствуй, – спокойно ответила Инга. – Я там впервые, мне самой всё в диковинку. Мэр пригласил мужа, а я обязана его сопровождать. Вот и всё.

– А твой муж – настоящий мачо! – оценил Владимир. – Силен мужик! Орёл!

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Инга. – Отойдём в сторонку?

– Пожалуйста, с удовольствием! – игриво согласился Владимир.

Она не знала, как лучше начать разговор о том, что её так обеспокоило. К тому же Ингу смущало, что Владимир уже навеселе. Впрочем, в праздник, когда вино лилось рекой повсюду, каждый в городе был хоть немного пьян. Это даже вполне естественно в такой день...

Но Владимир начал сам:

– Слушай, а муж у тебя ревнивый?

– Да, в общем, бывает, ревнует... Даже не то, чтобы ревнует... Ну, у него свои понятия о нормах поведения замужней женщины. Знаешь, я не рассказывала ему о нашем знакомстве на пляже. Он может неправильно истолковать, я ведь там случайно оказалась, просто было такое задумчивое настроение, – Инга тщательно подбирала слова.

– Слушай, ну, чего ты так осторожно поводишь меня к теме? – прервал её журналист. – Свой свояка поймёт издалека. Я тебя понял, не парься. Твой муженёк строгих правил. Бывает, сочувствую. Мелькать и махать прилюдно больше не буду. Ты мне только расскажи, какие у городских властей намечены особые, элитарные, праздничные мероприятия в отличие от развлечения для народных масс? Открой секрет бедному российскому журналисту.

– Торжественная месса, потом обед. Ничего особенного, всё чинно, церемонно. На улицах, я думаю, будет гораздо веселее, – предположила Инга.

– Слушай, ну, не могу не спросить! – фривольным полушёпотом заявил Владимир и придвинулся к Инге ближе. – Как оно – жить с испанским мачо, а? Ну, есть какие-то там особенности в быту, в отношениях, а? Парень-то твой, видно, горяч? Темпераментный секс, бурная жизнь? А? Не так, как с нашими парнями? Хуже? Лучше? Ну, не смущайся, делись!

– Так у меня других-то не было, – сухо ответила Инга. – Мне сравнивать не с чем. И не с кем.

– У-у-у, вот ты какая! – воскликнул Владимир, подражая интонации известного юмориста Геннадия Хазанова. – Ты слушала мамочку, берегла себя для одного-единственного, любимого и неповторимого! Завидую твоему испанскому мужику! Ему досталось настоящее сокровище! Кстати, как его зовут?

– Его зовут Мигель. Типичное испанское имя, – неохотно сказала Инга.

– Миша по-нашему! Мишка, Мишка, где твоя улыбка! – усмехнулся Владимир. – А вот скажи, ты вышла замуж за богатенького красавца Мишу или за эту обалденную страну – Испанию? Страна-то ведь и впрямь обалденная!

– Когда я влюбилась в Мигеля, мне было чуть больше восемнадцати лет. Я была готова ехать за ним на край света. Если бы он жил в глубинке Австралии, или, скажем, в горах Непала, я бы всё равно поехала. Тоже довольно типичная история, – ответила Инга.

– Ну, не совсем типичная, не совсем – покачал головой Владимир. – Ладно, ладно, прости-извини, не дуйся! Я погорячился. Не обижайся. Хорошая ты девка! Слушай, а когда эти пирамиды из людей будут строить?

– Скоро, вот-вот.

– А то мне сегодня надо ещё в баре *трабахать*. Слушай, а как классно звучит по-испански это гордое слово – «работа»! *Трабаха!* Это ж надо так смачно выразиться! Суть ясна каждому. Фиеста, сиеста – такие ласковые, нежные словечки, а работа – бескомпромиссное,

грубое, жесткое словцо. В общем, сегодня в нашем баре ожидается нашествие, – высказался Владимир. Подвыпивший журналист философствовал и куражился с особым вдохновением.

– Да, сейчас они посоревнуются со всей серьезностью, а потом начнутся всякие праздничные шалости, все будут танцевать, петь и гулять по барам, – подтвердила Инга.

– А завтра, что будет завтра? – поинтересовался Владимир.

– Завтра утром все будут сладко отсыпаться, а примерно после двух часов начнется другое шествие – с большими картонными лошадками. Это забавно, но очень торжественно. Обязательно приходи посмотреть. Потом ближе к вечеру будут танцевать прямо на улицах сардану. Сардана – такой народный круговой танец, вроде хоровода. Это здесь обязательно, даже мэр иногда участвует, – пояснила Инга. – Возможно, и сегодня будет сардана. Это случается стихийно, без всякого сценария. Несколько человек выходят, к ним легко и быстро присоединяются другие.

– Здорово! Это мне и нужно! Я этого всего живьем не видел, но читал, читал. А ты давай, звони мне! Поболтаем с тобой ещё как-нибудь, – дружески предложил Владимир.

– Хорошо, – неопределенно ответила Инга. Она так и не решилась заговорить с ним о сделанных фотографиях.

Между тем на площади приступили к подготовке создания пирамид. Наблюдать за этим с балкона было тоже очень удобно. Людской гомон и музыка немного стихли, народ расступился. Каждая группа кастельеров наскоро посоветовалась о чем-то своём, а потом началось самое главное. Вначале медленно возникали живые фундаменты из самых сильных мужчин. Они становились плотными кольцами и сплетали свои мускулистые руки, создавая основание будущей крепости. Потом из центра вдруг постепенно выростал следующий этаж, за ним другой, третий. Созданием каждого сооружения руководил специальный опытный человек. Он выкрикивал команды, и все ему подчинялись. На верхний этаж башни взбирались ловкие акробаты, но увенчать такую живую пирамиду должен обязательно ребенок – мальчик или девочка. Только тогда башня считается завершенной.

Публика замерла в волнении, последние действия кастельеров проходили в торжественной тишине. Наконец, на верху каждой пирамиды появился ловкий тренированный малыш и поприветствовал оттуда собравшихся на площади. Раздались возгласы ликования и бурные аплодисменты. Каталонцы в очередной раз воздвигли живые символы своей национальной общности. Это и был апофеоз народного праздника в Таррагоне.

В тот мягкий сентябрьский день традиционный городской праздник открылся Инге с какой-то новой стороны. Она видела его будто изнутри, другим взором. Ею владели самые разные чувства: восхищение, удивление, волнение, радость и примесь какой-то смутной, необъяснимой грусти. Инга утомилась от непривычного напряжения в официальной обстановке, но ради мужа очень старалась произвести благоприятное впечатление на избранное городское общество. Мигель выглядел довольным. Он чувствовал себя, как рыба в воде, и без усталости общался со всеми. Он бегло сообщил Инге, что ему удалось достичь каких-то важных договоренностей, его дела развивались в нужном направлении. Праздничная атмосфера ему не мешала, а способствовала. Мигель всегда прекрасно сочетал свою любовь к испанским национальным традициям с собственными коммерческими интересами.

Праздник длился непрерывно. Было всё: месса, роскошный обед, вечерняя сардана прямо под открытым небом в первом свете уличных фонарей. День плавно перетёк в ночь, но гуляния не прекращались. Вернуться домой супругам Торрес удалось далеко за полночь.

Глава 6

Espana oculta

Пышная суэта праздничных дней сменилась будничным затишьем. Мигель был плотно занят работой, возвращался поздно, и у Инги вдруг образовалось много свободного времени. Раньше, когда она только осваивалась в Испании, у неё всегда находились важные занятия. Инга штудировала язык, практиковалась, изучала Таррагону и окрестности, вникала в культуру испанской повседневности, сопровождала Мигеля, и дни летели стремительно. Теперь же, познав и постигнув многое, она ощутила, что ей нечем заполнять свое свободное время.

Развлекал Ингу разве что живописец Луис. Они мило общались, но работа близилась к завершению, с Луисом предстояло вот-вот расстаться. Несколько раз она пыталась помочь Росите на кухне, но ощутила без слов, что той не нравится вмешательство в её работу. Это открытие немного удивило Ингу, и она как-то спросила женщину:

– Росита, скажи мне, ты не устаешь каждый день шинковать овощи, строгать хамон, ждать готовности мяса, париться у плиты?

– Почему же, устаю, – ответила Росита. – Но я люблю это дело.

– Неужели можно любить эту монотонную, нескончаемую работу? И почему ты так мало пользуешься всеми современными бытовыми приборами? Почему ты шинкуешь руками? Ведь можно же на комбайне – раз-два, и готово!

– Когда всё делаешь руками, то вкус еды совсем другой получается. А готовку я люблю. Я привыкла к ней с детства. В это время можно спокойно обо всём подумать. Руки режут, а мысли текут. Мне хорошо думается на кухне, – пояснила испанка.

– О чём, если не секрет?

– О чём? Да обо всём, что накопилось за неделю, за месяц, даже за всю жизнь. О детях, о маленьких внуках. О семье, сеньора, о семье. О чём же ещё думать женщине? Можно и помолиться, это тоже хорошо, полезно. А вот вы, сеньора, видно, не приучены вашей матушкой к работе на кухне. Вы уж меня простите, но вы и нож как-то странно держите, и тесто вам доверять нельзя!

Инга рассмеялась:

– Ты права, Росита! Я всегда не терпела эту кухонную возню! Моя старшая сестра помогала матери с удовольствием, а меня как-то не привлекали к этому делу. Вот я и думаю – учиться мне готовить или нет? Пока не решила.

– Если душа не лежит, то ничего и не выйдет. Тут без души нельзя, – рассудила Росита.

Этот кухонный разговор вызвал грустные мысли. Женщине, имеющей детей, всегда есть, о чём заботиться, даже если дети уже взрослые. А женщине, у которой их нет, о ком заботиться? О себе? О муже? Об обществе?

Муж Инги был увлечен новым бизнес-проектом, и набирал для работы людей. Он не считал нужным посвящать жену во все подробности, но кое-что она знала. Не так давно Мигелю удалось на выгодных условиях арендовать у муниципальных властей небольшие старинные особнячки, находящиеся в предместьях Таррагоны. Государство выкупало недвижимость, представляющую историческую или архитектурную ценность, у тех хозяев, которые по каким-то личным причинам не могли содержать дома в надлежащем виде. Мигель вознамерился сделать там что-то вроде развлекательных центров в национальном стиле для туристов. Этакое очаги нескончаемых испанских праздников, фольклорные шоу нон-стоп. Для этого требовались танцоры фламенко, гитаристы, конники, фокусники и прочие творческие личности.

Мигель действовал азартно, был просто поглощен интересной работой, но обсуждать свои дела с Ингой почему-то не хотел. Инга немного обижалась, чувствовала себя отстранённой, но недовольство скрывала. Возможно, Мигель планировал сделать ей сюрприз, удивить её позже, когда всё будет отлажено окончательно. Он и не догадывался, что его жена тоже хочет быть полезной в семейном бизнесе.

Инга сделала попытку раскрыть свои намерения, спросив мужа напрямую:

– Мигель, а ты не думаешь, что я могла бы тебе помочь в работе?

– Ты? А что ты станешь делать? Вести бухгалтерию? Участвовать в ремонте помещений? Мыть полы? Или танцевать фламенко на сцене перед туристами? – удивленно спросил он. – Моей жене это всё ни к чему.

Так вопрос, мучавший Ингу, разом закрылся. Она поняла, что Мигель вообще не допускает мысли о том, что она может работать.

Однажды Мигель вернулся совсем поздно, но сразу велел Росите подать вина и усадил Ингу рядом.

– Прости, я не позвонил. Я был у родителей, отец просил срочно заехать, устроил что-то типа семейного совета с детьми, – Мигель не договорил и рассмеялся.

– И в чем дело? – поинтересовалась Инга.

– Он приревновал нашу мать и решил поставить нас об этом в известность! – сообщил Мигель. – Как бы устыдить её при детях!

– Что, всё так серьезно? – изумилась Инга. – Мне трудно поверить. Они уже не молоды, столько лет вместе...

– О, она для него всё та же молодая красotka, что и много лет назад! – воскликнул Мигель. – Он будто не видит её седины и возраста. Он ревнует её к одному старому приятелю! Ему издавна кажется, что она к нему равнодушна.

– А что, и сейчас есть повод ревновать? – недоумевала Инга.

– Представь, отец прочитал что-то у неё в записной книжке, и кто-то видел мать с тем мужчиной в кафе.

– Но это же пустяки! – горячо возразила Инга. – Они могли случайно встретиться. Да так и было, я уверена.

– Конечно, я и сам уверен в этом, – согласился Мигель.

– Твоя мать, почтенная женщина, к тому же с нездоровым сердцем. Какие уж тут похождения!

– Но каков отец! Он просто в ярости! Вот это любовь!

– Мигель, он обижает её подозрениями, – посетовала Инга. – Проверяет записи, собрал сыновей! Зачем устраивать цирк? Надо быть благоразумнее и добрее. Скажи ему об этом.

– О, ты ещё не знаешь, каковы мы, мужчины Торрес, когда есть причины для ревности, а уж тем более факты! – громко воскликнул Мигель. – Мы просто становимся опасными разъярёнными животными!

Чёрные глаза-маслины Мигеля горели от возбуждения. «Таковыми опасными животными лучше любоваться издали!» – подумала Инга, но промолчала.

Однако она насторожилась и призадумалась. На следующий день Инга позвонила Владимиру в бар.

– Нужно встретиться, – коротко сказала Инга.

– Всегда рад! – ответил он. – Может, сюда подъедешь? Посидим, выпьем вина.

– Нет, только не в баре, и ни в каком другом подобном месте, – наотрез отказалась Инга.

– Ну, тогда что, просто погуляем? У моря, по набережным?

– Тоже, пожалуй, не пойдет.

– Ну, ты просто как засекреченный агент! Разведчики обычно назначают встречи в музеях. Помнишь, фильм «Семнадцать мгновений весны»? Штирлиц встречался с агентурой в Музее Природоведения, – иронически напомнил Владимир.

– Вот это дельная мысль, – спокойно заметила Инга, игнорируя его сарказм. – Мы встретимся в Музее романской культуры. Там много людей, в основном приезжих, и я имею обыкновение посещать всякие местные *museo*. Мигеля это не удивит, если что.

– А он что, следит за тобой?!

– Да нет, я так, на всякий случай страхуюсь.

– Ну, мать, ты даёшь! Средневековье какое-то! Да убоится жена мужа своего!

– Это просто *Espana oculta* для иностранца. Это менталитет, ничего с ним не поделаешь. В общем, побродим по римскому амфитеатру, там хорошо, и поговорить можно. Кстати, захвати свой фотоаппарат.

– Я здесь, конечно, уже был, но такие места можно исследовать бесконечно! – сказал ей Владимир, когда они встретились у стен древнего римского амфитеатра. – Может, расскажешь что-то новенькое скромному журналисту!

– Ты знаешь, что именно в нынешнем 2000 году, весь этот древний архитектурный комплекс в Таррагоне включили в список всемирного наследия ЮНЕСКО?

– Знаю! Я же журналист! Я должен быть в курсе культурных событий.

– Молодец!

И они оба рассмеялись. Инге стало вдруг как-то хорошо, будто в юности.

– Пошли?

– Пошли! Веди меня! Слушай, ты мне так толково всё присоветовала, и я отличные снимки сделал во время праздника. Просто уникальные кадры! – сообщил Владимир. – Потом свои свежие впечатления описывал, как очумелый. Мысли текли, рука еле успевала.

– Да, на таких праздниках всё творится вживую, и потому неповторимо, – согласилась Инга. – Кстати, о твоих снимках. Ты ведь и меня снимал?

– Ну, да... А что, нельзя было?

– Я могу тебя попросить уничтожить эти кадры со мной? – напрямик заявила Инга.

– Зачем? – разочарованно спросил Владимир.

– Понимаешь, в моей жизни уже было такое, когда пресса и журналисты беззастенчиво вмешивались в мою личную жизнь. Мне этого больше не надо. Особенно сейчас. Даже если какие-то материалы ты опубликуешь в России, а не в Испании. Плохие вести всегда доходят быстро. Кто-нибудь из знакомых сообщит мужу, это мне ни к чему. Я понимаю, твоя работа, но ведь ты можешь заработать свои гонорары и без снимков со мной? Докажи мне, что существуют порядочные журналисты! Я надеюсь, что ты один из них! – Инга говорила проникновенно, и даже трогательно.

– *Madre mia!* – воскликнул Владимир. – Это я научился у себя в баре так выражаться. Я ведь вспомнил, где и когда я тебя видел и навёл справки. Ты Инга Буркина, победительница конкурса красоты «Московская красавица» в 1996 году. Ты скоропалительно вышла замуж за испанца и уехала вслед за мужем из страны. О тебе много писали. Да, мой материал с твоими фото на балконе мэрии рядом с мужем и отцами города Таррагоны был бы убийственным. И интервью с тобой, и рассказ о твоей жизни. Знаешь, людям ведь интересно, как там наши красотки устраиваются за рубежами Родины. Представь, сидит какая-нибудь толстая тётя с прыщавой дочкой у себя на кухне, лопает пирожки с борщом, да журнал пролистывает жирными пальцами. А в журнальчике репортаж о твоей блистательной жизни на берегах Средиземного моря. И начинает им, голубушкам, казаться, что они тоже так могут, и даже очень достойны этого. Они грезят у себя в каком-нибудь городе Долгопрудном или Жулебине, а то и бери дальше – в сибирской деревушке, а далее везде! Я продавец грёз, мечт,

веселых картинок о красивой жизни! Это моя работа, и она мне нравится. Люди любят, когда им делают красиво.

– А мне это не очень нравится. Именно этого я и не хочу. У каждого своя жизнь. Не надо из моей истории глупую сказку делать, дурачить других, – тихо сказала Инга. – Это моя судьба. Так сложилось, и не надо в этом копать. Тем более, всё не так просто, как кажется. Лёгкость заграничного бытия призрачна.

– И это говоришь ты, прелестная и благополучная сеньора Торрес?

– И это говорю я, но не для прессы. Короче: ты человек или кто?

– Нет, я гомо газетикус, конечно, но...

– Что – но?! Не томи, Вова!

– Да удалю я снимки, сотру, уничтожу, и ничего о тебе писать не буду! Найду другие темы, – пообещал Владимир. – Ну, как тебе подтвердить мою честность? Даю слово! Больше-то дать нечего.

– Я вот возьму и просто поверю! Останемся друзьями? – предложила Инга.

– А как же! Ты у меня тут один дружок, почти родная душа! – признался Владимир. – Хотя ты мне подложила свинью – лишила возможности сделать шикарный материал. Ну, да ладно! Выкручусь. Надыбаю что-нибудь другое. Испания – страна преинтересная! А вообще, чем больше я вникаю в испанскую повседневность, тем всё чаще удивляюсь.

– Чему, к примеру? Поделись!

– Вот тема, близкая к моей работе в баре, – охотно начал Владимир. – Пьяные у них в Испании на улицах не шатаются и не валяются. Они, оказывается, валяются в излюбленных барах! Если какой-то Педро или Хулио напился до чёртиков, то бармен звонит жене, мол, Мария, забирай своего, твой уже готов. Или такси вызывает и вежливо спрашивает всегдашняя. И всё чинно-благородно, с уважением. Через день-другой Педро опять надирается и уминает эти самые *tapas*, эти испанские закуски, которые для них «наше всё». Спектакль повторяется, но все довольны. Ну, что ещё хорошего? Кухня местная мне, конечно, нравится, но вот в хамон я так и не въехал. Странное мясо. Главное, что по нему должны бегать какие-то клопы... Это ж надо! Бр-р-р! Кстати, мне рассказали, что есть заведения, куда привозят мясо забитых на корридах быков! Чтоб добро зря не пропадало, из них там готовят всякие котлетки!

– Кстати о хамоне, – вставила Инга. – Испанцы сами говорят, что выбрать хамон – искусство, а правильно нарезать его – мастерство.

– Надо будет записать эту фразу, пригодится! – обрадовался Владимир. – С мясом у них дела обстоят нормально, но нет самой главной закуски – соленых огурцов и квашеной капусты!

– Да, этого нет, – задумчиво согласилась Инга. – Они оливками обходятся.

– А этой привычной соленой прелести мне лично остро не хватает! – продолжал Владимир. – Но больше всего меня удивляет испанская страсть ко всяким развлечениям с летальным исходом для животных! К примеру – бедные быки! Кровожадность какая-то в отношении этих несчастных животных! Я мужик, но корриду смотреть не могу!

– А ведь у них не только коррида имеется, – сказала Инга.

– Ещё я слышал про какие-то жуткие состязания с отрыванием голов живым гусям! Это правда? – спросил Владимир.

– Да, было такое, но сейчас уже запретили живых гусей терзать. Только уже забитых, – успокоила Инга. – Наряду с красивыми народными обычаями в Испании существуют и жестокие, которые нелегко принять людям с чувствительной душой. Это и есть *Espana oculta*. Записывай мои фразы, Вова! Пригодятся.

– Что за интерес к смерти?! И почему молчат защитники животных? – полушутя-полу-серьёзно воскликнул Владимир.

– Заступники животных очень даже возмущены и ведут борьбу, – ответила Инга и улыбнулась.

– Не зря беззащитные индейцы страдали от жестокости испанских конкистадоров! – сказал Владимир. – Безжалостны испанские мачо, безжалостны!

– Коррида теперь просто доходный бизнес. Заводчики быков и матадоры зарабатывают, устраивая бои. Я немного имею об этом представление. Бизнес моего мужа связан с индустрией всяких зрелищ, развлечений для туристов, – поведала Инга.

– Гусям головы твой муж не отрывает? – усмехнулся Владимир.

– Нет, не отрывает.

– Но тебе, видно, готов головушку оторвать, если что не так?

– Мой муж очень щедрый и интересный человек, но импульсивный, как многие испанцы. Он немного авантюрист, он вспыльчивый, но в целом вполне благоразумный. Больше я тебе ничего не скажу. Обсуждать моего Мигеля мы не будем. Считаю эту тему закрытой, – ответила Инга.

– Как скажешь! – легко согласился Владимир. – Вот только сдаётся мне, что твой красавец Мигель запер тебя в золотой клетке и кормит с руки. А такие птицы, как ты, в неволе долго не живут!

– Ты сам-то женат? – уточнила Инга, снисходительно улыбаясь.

– Нет, а что?

– Вот когда женишься, Вовочка, тогда и поговорим подробнее.

– Я пока не знаю, когда это случится и кому удастся меня заполучить в мужья! А поговорим обязательно! Мне интересно с тобой общаться. Надеюсь, тебе тоже приятно поболтать с соотечественником.

– Приятно, не скрою, – призналась Инга.

– Так в чем дело? Звони, и я мигом примчусь, куда скажешь, подруга!

Глава 7

Дела семейные

Вскоре портрет Инги был завершён, и Мигель устроил по этому случаю небольшой семейный праздник – близкие родственники собрались посмотреть и оценить творение живописца. Мужчины деловито интересовались, сколько Мигель заплатил мастеру за работу, прищелкивали пальцами, всматривались в изображение. Женщины наперебой советовали, где лучше повесить картину. Все желали счастья супругам, будто на свадьбе. В доме царил типичная испанская доброжелательность и бесцеремонная родственная фамиллярность. Ингу смущало и даже тяготило такое пристальное внимание к собственной персоне, но сам портрет ей тоже очень нравился. Луис действительно постарался на славу. Лицо будто светилось изнутри, глаза лучились добротой, а волосы струились тёмными шёлковыми волнами, но это было не самое главное. С портрета смотрела другая, более совершенная женщина – умная, прозорливая, лишённая сомнений и суетливости, преисполненная внутреннего достоинства. Именно такой Инга хотела бы стать, и художник будто угадал её тайные устремления. Луис сумел наделить писаную красавицу теми достоинствами, которых модели пока не доставало. Маленький забавный человечек прочёл её, как книгу, и показал ей, какой она может быть, если постарается.

Когда все разошлись, Мигель обнял жену и опять подвёл к картине, которая пока стояла на большом широком комод. Он любовно всмотрелся в лицо Инги настоящей, потом перевёл взгляд на Ингу живописную, и гордо воскликнул:

– Ты такая красивая!

В порыве чувств Мигель расцеловал жену и добавил:

– Мы повесим картину в столовой. Нет, в гостиной! Да, в гостиной! Со временем тут будет три твоих портрета.

– Почему три? – искренне изумилась Инга. – Это уж как-то слишком, Мигель. Разве мало одного?

– Один уже есть. Второй я закажу, когда ты будешь беременна, с круглым тугим животом. А третий – после рождения нашего первенца, даже когда он немного подрастет, вместе с ребёнком на руках. На каждом портрете ты будешь уже другая. Есть такой старый обычай, и он мне нравится! – пояснил Мигель тоном, не терпящим возражений.

Инга опять промолчала. Ей сделалось как-то не по себе: задумка мужа с портретами неприятно взволновала и даже огорчила. Мигель следовал каким-то древним испанским традициям, и не интересовался мнением жены. Муж всё решил на будущее, но ведь она даже не представляла, когда же наступит эта долгожданная беременность!

Утром, проводив Мигеля, Инга принялась изучать газетные объявления. Её интересовал раздел медицинских услуг. Она больше не хотела показываться тем врачам, к которым её возил Мигель. Они её больше не устраивали. В их действиях ей виделась какая-то беспечность, небрежность, поверхностность. Они очень мило и много беседовали, но не проводили никаких серьёзных обследований. Все рекомендации сводились к простым увещаниям о том, что нужно набраться терпения и немного подождать. Но сколько же можно ждать?! Она замужем уже пятый год!

Как выбрать толковых докторов, Инга не знала, а советоваться с кем-либо она опасалась. К сожалению, а может и к счастью, у неё не сложились откровенные, доверительные отношения с женщинами из родственного клана Торрес. Она хорошо осознавала, что если ей

вздумалось бы обратиться с этим наболевшим вопросом к одной из жён братьев Торрес, или к свекрови, то замутилась бы такая всеобщая суета, в которую вовлекутся всё, включая мужчин. Разговоры с добросердечными соседками на такую щепетильную тему вообще могли привести к тому, что об этом будут запросто судачить в ближайшей булочной все, кому не лень. Такой диалог легко себе вообразить.

– Эй, *hola*, Росита! Я слышала, твоя хозяйка ищет хорошего гинеколога? Она, говорят, не может забеременеть?

– Что-что? Мигель Торрес не может сделать ей ребёнка? Не может быть! А такой видный мужчина!

– *Madre mia!* Бедная женщина! Может, это не её вина? Может, муж чем-то болен?

И так далее в этом стиле. Интерес к соседской жизни и обсуждение интимных дел в полный голос – привычное дело для испанцев. Нет, этого допустить Инга не могла. Не настолько она испанизировалась, чтобы спокойно обнародовать свои женские проблемы.

Она решила действовать по наитию. Её внимание привлекла фамилия Стадничук – от неё веяло строгостью, серьёзностью и славянским происхождением. Инга решила обратиться к этому гинекологу. Другие фамилии врачей её не впечатлили.

Доктор Стадничук оказался мужчиной лет сорока пяти. Инга никогда не имела дела с мужчиной-гинекологом, но всё же отступать не стала. Она преодолела смущение и доверилась ему.

В отличие от испанских врачей он очень мало говорил, зато уделил своей пациентке достаточно времени. Инга нервничала, зябла, немного дрожала, но все эти неприятные ощущения закончились сами собой, как только врач прикоснулся к её голому колену своей большой тёплой рукой.

– Не надо так волноваться, – сказал он по-русски густым, ровным голосом.

Она и сама была уже не в силах терпеть далее это мучительное напряжение всего организма, и потому послушно расслабилась, повинувшись доктору. «Вот уж точно – как рукой сняло!» – промелькнуло в голове. По телу пошла тёплая волна. Инга словно оттаяла. Ей даже захотелось всплакнуть, слёзно пожаловаться на всё-всё этому совсем незнакомому, но почему-то такому близкому человеку. Ей сделалось необъяснимо хорошо рядом с ним, хотя она пребывала в самой непрезентабельной и неудобной позе на гинекологическом кресле. Инга ощутила, как покраснелось её лицо, но этого, к счастью, никто не замечал. Медсестра уже вышла, а доктора интересовала другая часть её тела.

Стадничук осторожно и умело пальпировал живот молодой пациентки, потом сделал УЗИ. Когда Инга уже оделась, он сказал:

– Я займусь вами. Пока трудно обещать, но, возможно, что-то у нас получится со временем. Строение вашей матки имеет небольшие особенности, но это не единственная причина. Вы, скорее всего, перенесли в детстве инфекцию, которая дала осложнение на детородные органы, – упрощённо и доступно пояснил врач. – В походы ходили? На холодной земле сидели, на камнях-валунах, песни туристские распевали? А ноги-то были мокрые, а носки запасные были забыты дома или просто не хотелось отвлекаться по таким мелочам.

– Да! – удивленно воскликнула Инга. – Как вы догадались?

Она-то думала, что распознать в ней бывшую заядлую туристку едва ли уже возможно. Да и когда это было! В другой жизни, в другой стране.

– Кое-какой опыт имеется. Не первый год работаю, – усмехнулся доктор и протянул ей листки с назначениями. Он прописал лекарства, специальный массаж, курс инъекций. Инга взяла бумаги, бегло прочла, слушая его пояснения.

– Пока немного полечитесь, а позже неплохо бы съездить на специальный курорт. Я подыщу для вас самое подходящее место, – добавил Стадничук.

Всё было внове. С Ингой впервые так обстоятельно и внимательно работал врач.

Прощаясь, Инга едва справлялась с желанием расспросить доктора Стадничука, как он оказался в Таррагоне. Каким житейским ветром занесло в Испанию этого немолодого человека, какие обстоятельства спровоцировали его покинуть Россию? Вопросы вертелись в голове, но она не завела подобный разговор. Это было бы слишком по-испански – бесцеремонно лезть человеку в душу.

Выйдя на улицу, Инга ощутила невероятную лёгкость. Вдруг подумалось, что всё получится, всё наладится. Доктор Стадничук сумел её приободрить и внушить уверенность. Ей захотелось срочно поделиться с Мигелем – ведь он её самый близкий человек, он её муж, и они накрепко связаны горячим желанием иметь ребёнка.

Инга решила безотлагательно встретиться с мужем. Обычно она никогда не беспокоила его во время работы, не звонила по пустякам, не возникала в его офисе без надобности. Но этот случай показался ей особенным. Её распирало желание увидеть мужа. Мигель обмолвился утром, где он будет находиться, и она решила появиться без звонка.

Войдя в зал старенького, но уже подновлённого особнячка, она сразу догадалась, что идёт то ли репетиция, то ли творческий конкурс. На *tablao*, специальной площадке для танцев, выступали исполнительницы фламенко. Танцовщицы работали в костюмах, с полной отдачей – страстно, зажигательно, словно на большом ответственном концерте. Мелькали воланы, оборки, дробно стучали каблочки, звучали гитарные аккорды. Инга остановилась у входа, не привлекая к себе внимание. Она решила дождаться окончания танца, а уж потом спросить про Мигеля.

Танец прервался чьим-то властным хлопком. Молодые женщины остановились, смолкла музыка. На площадке появился сам Мигель Торрес. Он порывисто обнял высокую солистку и крепко её расцеловал. Раздались возгласы восторга и аплодисменты. Мигель потрепал женщину по щеке и ввернул крепкое простонародное словцо. Раздался одобрителный смех, фривольные шуточки. Красавица-испанка смотрела на Мигеля с вызовом, не отводя сверкающих счастливых глаз.

Сцена взаимодействия Мигеля и танцовщицы длилась всего-то минуточку-другую, но добавила перчику и азарта всем присутствующим. В зальчике царило эмоциональное напряжение и какое-то удивительное понимание.

«Боже, сколько страсти в минутном эпизоде! Какой драматизм, какой огонь! Однако со мной он говорит иначе», – подумала Инга. – «Ему, видно, приходится подстраиваться под меня... А ведь он плоть от плоти своего народа. У него прекрасный контакт с этими женщинами. И, возможно, даже взаимоотношения...»

Инга не испытывала ревности или злости. Она ощутила одиночество и пустоту. Эти люди Мигелю ближе, понятнее, чем она, его жена. Они свои, а она чужестранка. Испанцы очень редко женятся на девушках из других стран. Она для него диковинная штучка, и Мигель Торрес влюбился в неё, но натуру не переделать. Его тянет к своим, и это, в общем-то, естественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.